

ВАЛЕРИЙ ЛЕЙБИН

ВОЗМЕЗДИЕ ФАЛЛОСА.
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ

Валерий Лейбин

**Возмездие фаллоса.
Психоаналитические истории**

«Когито-Центр»

2012

Лейбин В. М.

Возмездие фаллоса. Психоаналитические истории /
В. М. Лейбин — «Когито-Центр», 2012

ISBN 978-5-89353-344-6

В данной книге читатель вновь побывает на «кухне» психоанализа и встретится с персонажами, уже знакомыми ему по предыдущей книге автора: «Превратности любви. Психоаналитические истории» (2011). Профессиональные психоаналитики вспоминают случаи из своей практики, в которых перипетии жизни их пациентов причудливым образом перекликаются с событиями их собственной биографии.

ISBN 978-5-89353-344-6

© Лейбин В. М., 2012

© Когито-Центр, 2012

Содержание

Будни психоаналитика	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Моисеевич Лейбин
Возмездие фаллоса.
Психоаналитические истории

© Лейбин В., 2012

Будни психоаналитика

Прошло несколько дней после рождественского вечера, на котором профессор Лившиц, Разумовский, Вайсман, Киреев и Лебедев поделились друг с другом своими терапевтическими историями. Вспоминая время, проведенное в дружеской мужской компании, каждый из их посвоему оценил услышанные клинические случаи, по-разному отнесся к ним, но вскоре все пятеро психоаналитиков, погружившись в будни жизни, занялись своими привычными делами.

Профессор Лившиц Самуил Иннокентьевич приступил к подготовке доклада, с которым ему предстояло выступить на очередном психоаналитическом конгрессе, посвященном проблеме нарциссизма. Но его собственный нарциссизм был не столь грандиозным, чтобы полностью отдаться исключительно удовольствию созидания нового текста в надежде на последующие комплименты в свой адрес со стороны предполагаемых участников конгресса.

Поэтому когда его жена напомнила о том, что через полчаса они должны выйти из дома, чтобы вовремя попасть с внуком в цирк, то он без всякого сожаления оторвался от подготовки к докладу. Напротив, предвкушая удовольствие от того удовольствия, которое получит внук в цирке, он выключил компьютер и встал из-за стола. Напевая себе под нос, он без особого труда переключился с научного осмысления клинических фактов на обыденное восприятие жизни.

Выскользнув из домашнего халата, профессор Лившиц быстро переоделся и фактически был полностью готов к тому, чтобы отправиться с женой и внуком в цирк. Однако заботливая супруга заставила его выпить стакан свежесваренного чая и съесть пару небольших, но весьма аппетитных пирожков, которые испекла несколько часов тому назад.

Не возражая и желая доставить радость жене, он выпил чай и съел оба пирожка. Умиротворенно поцеловал ее в щечку и, взяв за руку уже одетого внука, театрально громко произнес: «Вперед, мои дорогие! Умные звери и верные служители цирка не будут нас ждать».

С этими словами профессор Лившиц, его жена и его внук покинули квартиру. За десять минут до начала представления они уже были в цирке. Заняв свои места, все трое с удовольствием ожидали выхода на арену тех, кому на протяжении двух – трех часов предстояло создавать в цирке атмосферу праздника.

По всему было видно, что ни профессор Лившиц, ни его жена не рассматривали поход в цирк с внуком как некую обременительную обязанность.

Их внук веселился от души, то замирая от восторга, когда воздушные акробаты под куполом цирка делали свои головокружительные пируэты, то громко смеясь от искрометных шуток клоуна, то изо всех сил хлопая в ладоши при виде забавных обезьянок, катающихся на велосипеде по арене.

Дедушка и бабушка радовались не меньше внука. Им нравились выступления циркачей, которые были, на их взгляд, достаточно профессиональными и оригинальными. И они приходили в умиление от того, что им удалось доставить очередное удовольствие внуку – чудесному, пытливому мальчугану с большими голубыми глазами.

Их искренняя реакция на выступление клоунов, акробатов, дрессированных зверей, а также на сияющего от удовольствия внука свидетельствовала о полной гармонии не только между ними, но и между поколениями в семье.

И действительно, на протяжении нескольких десятилетий профессор Лившиц и его жена жили, что называется, душа в душу. Они не просто ладили между собой или быстро находили общий язык в тех непростых порой ситуациях, которые, так или иначе, неизбежно возникают в любой семье. Они умели так трепетно и заботливо отнестись друг к другу даже в самых трудных житейских обстоятельствах, что в их доме никогда не было ни раздоров, ни конфликтов, которые могли бы омрачить жизнь как взрослому поколению, так и их детям.

Из истории психоанализа известно, что жена Фрейда говорила ему или кому-то из его коллег: «Психоанализ остается на пороге детской комнаты». Она не особенно интересовалась выдвинутыми мужем психоаналитическими идеями, но это не сказывалось на их отношениях.

Трудно сказать, какой на самом деле была семейная жизнь Фрейда. На основании анализа его собственных сновидений, приведенных основателем психоанализа в его датированной 1900 годом и ставшей со временем известной книге «Толкование сновидений», некоторые исследователи высказывали соображение, в соответствии с которым Фрейд безумно любил свою невесту, но не испытывал всепоглощающего чувства к ней, когда она стала его женой.

Как бы там ни было, но один из биографов отмечал, что супруги прожили в согласии друг с другом 53 года. Спор между ними имел место только тогда, когда решался вопрос о том, как жарить грибы: оставлять ли их целиком или отделять шляпки грибов от их ножек.

Подобно Марте, жена профессора Лившица не вникала в тонкости профессиональной деятельности мужа. Впрочем, она не знала ничего об отношениях в семье Фрейда. Да в этом и не было никакой необходимости, поскольку профессор Лившиц не посвящал ее в какие-либо нюансы, связанные как с жизнью основателя психоанализа, так и со своей собственной работой. Все житейские проблемы, включая воспитание детей, они решали вместе, не прибегая ни к какому психоанализу. Но профессор Лившиц придерживался раз и навсегда установленного им правила: все трудности и проблемы, с которыми приходится сталкиваться по месту работы, остаются на пороге дома. В семье должны царить относительная гармония, уют, юмор, хорошее настроение, доброжелательность.

Они любили друг друга. Семейная жизнь не тяготила их. Напротив, оба они с одинаковой теплотой и заботой относились не только друг к другу, но и к своим детям, в результате чего в семье всегда поддерживалась такая атмосфера, которая благоприятствовала и творческому развитию подрастающего поколения, и укреплению семейных связей. Профессор Лившиц и его жена настолько хорошо понимали друг друга, что без лишних слов могли предугадывать самочувствие, настроение и желание каждого. Поэтому отношения между ними, включая интимную сторону жизни, были чувственными, трепетными, доверительными, доставляющими обоим наслаждение и радость.

Подобные семейные отношения способствуют не только укреплению семейных уз, но и поддержанию такого психологического климата, без которого невозможна нормальная профессиональная деятельность, особенно в сфере психоаналитической терапии. При всей своей высокой квалификации сексуально неудовлетворенный психоаналитик может оказаться таким специалистом по бессознательному, который, не ведая того или сознательно, будет отыгрывать свои личные проблемы на пациентах.

Это отыгрывание способно принимать различные формы. От пренебрежительного до высокомерного отношения к пациенту. От равнодушного выслушивания его жалоб на окружающий мир и собственную несчастную судьбу до навязывания своей точки зрения на жизнь. От жесткой манеры садистического молчания и нарочито шокирующих интерпретаций до нарушения профессиональной этики и вступления с пациентом в интимную связь.

Удовлетворенный своей семейной жизнью, профессор Лившиц не соскальзывал в пучину людских страстей, свойственных подчас не только пациентам, но и психоаналитикам.

Разумеется, в процессе профессиональной деятельности ему неоднократно приходилось сталкиваться с проблемами контрпереноса, воскрешающими ранее имевшие место в его жизни переживания или порождающими новые фантазийные желания и образы. Однако вписывающиеся в канву нормальной, доставляющей им обоим радость и удовлетворение семейной жизни эти проблемы не загоняли его в тупики безысходности. Они находили такое разрешение, которое не разрушало ни его самого, ни членов его семьи, ни обращавшихся к нему за помощью пациентов.

Возвратившись домой после посещения с женой и внуком цирка, профессор Лившиц решил продлить удовольствие. Непроизвольно взглянув на компьютер, он тем не менее не включил его и не обратился к материалу, связанному с подготовкой научного доклада. Отбросив невольно промелькнувшую мысль о нарциссических пациентах, он пошел к внуку, который, находясь под впечатлением от увиденного в цирке представления, пытался нарисовать стоящего на задних лапах медведя.

На протяжении получаса профессор Лившиц общался с внуком, а затем, уединившись в своем кабинете, включил ставший уже раритетным проигрыватель и поставил не менее раритетную пластинку чешской фирмы «Супрафон», чтобы послушать «Болеро» Равеля. Разумеется, можно было воспользоваться современной аппаратурой и лазерным диском, имеющим более качественное звучание. Именно так профессор Лившиц и поступал, когда в процессе работы над статьями и книгами порой использовал музыкальный фон в качестве необходимой составной части творческого процесса. Но в редкие минуты отдыха от трудов праведных, когда не хотелось думать ни о каких научных изысканиях и терапевтических усилиях, он обращался к своему старому проигрывателю. Больше всего его привлекало пусть не совсем чистое, зато столь дорогое ему по воспоминаниям звучание любимых мелодий. Сопровождаемое легким шуршанием иглки, подобное звучание привычных мелодий создавало какую-то особую атмосферу покоя и умиротворения.

Профессор Лившиц гордился тем, что ему удалось сохранить в своем доме и старую аппаратуру, и коллекцию пластинок с классической музыкой. Правда, он не так часто пользовался ими, поскольку прием пациентов, чтение лекций, написание различных трудов и выполнение должностных обязанностей не оставляло времени для отдыха. Однако если выдавались редкие минуты своего рода «творческого безделья», то он позволял себе расслабиться именно таким образом.

«Болеро» Равеля было одной из отдушин для профессора Лившица. Постепенно усиливающее звучание ритмически повторяющихся звуков не только порождало в его душе воспоминания далекого прошлого, но и служило связующим звеном между настоящим и будущим. Личностно окрашенное прошлое органически переплеталось с настоящим и открывало путь к тому будущему, которое выстраивалось само собой, поскольку умиротворенность и покой снимали излишнюю напряженность, порождаемую экономическими кризисами, политической нестабильностью и безнравственностью, так или иначе проявляющимися в современном мире.

Профессор Лившиц не был ни профессионалом, ни эстетствующим ценителем исключительно классической музыки. В силу необходимости, присутствуя подчас на молодежных вечеринках, устраиваемых собственными детьми, он мог принять участие даже в современных танцах, сопровождаемых неописуемой какофонией электронных инструментов. Однако погружение в классическую музыку давало ему возможность не просто отстраниться временно от житейских невзгод, на что рассчитаны, как правило, бешеные ритмы современных дискотек. Классическая музыка затрагивала тонкие струны его души, которые вызвали к жизни творческую энергию, столь необходимую как для научной работы, так и для терапевтической деятельности. Возможно, к кому-то другому творческое вдохновение приходит совсем иначе. Для одних таким стимулом является секс, для других – алкоголь, для третьих – упоение властью. Для профессора Лившица было вполне достаточно, находясь в кругу своей семьи и наслаждаясь классической музыкой, а также произведениями искусства, ощутить прилив сил, жизненной энергии, творческого вдохновения и через непродолжительное время окунуться с головой в свою профессиональную деятельность.

Во всяком случае, его жизнь была организована так, что домашний быт и профессиональная деятельность каким-то неуловимым образом подпитывали друг друга, в результате чего в его душе не было того «раздрая», который так свойствен многим семейным людям. Любовь и забота, чуткое и трепетное отношение друг к другу всех членов семьи профессора Лившица

способствовали созданию благоприятного эмоционального фона, позволяющего ему не только поддерживать физическое здоровье и нормальное психическое состояние, но и укреплять силу духа, столь необходимую для любого человека, творящего в просвете между рождением и смертью.

Бытует расхожее утверждение, что в здоровом теле здоровый дух. Правда, один поэт остроумно заметил, что на самом деле одно из двух. И действительно. Нередко можно видеть, что у здорового человека дух с гнильцой, в то время как физически больной человек обладает негибимой силой духа. Нельзя сказать, что профессор Лившиц был исключительно физически здоровым человеком. Как говорят некоторые врачи, нет здоровых людей, есть недообследованные. У профессора Лившица случались различного рода недомогания. Однако, приближаясь к 70-летнему возрасту, он самостоятельно справлялся со своими недомоганиями и предпочитал как можно реже обращаться за помощью к врачам.

Жена, дети и внуки являлись для него той животворящей подпиткой, благодаря которой его организм выдерживал соответствующие физические нагрузки и психические переживания, а творческий потенциал находил всевозможные сублимированные формы выражения, позволяющие сохранять силу духа. Поэтому будни профессора Лившица были насыщены до предела всевозможными деяниями, включая чтение лекций для студентов, обучающихся психоанализу, прием обращающихся за психологической помощью и поддержкой пациентов, подготовку и публикацию материалов, посвященных теории и практике психоанализа. Словом, его семейная жизнь и профессиональная деятельность находились в своеобразной гармонии. Но не той гармонии, которая не порождает никаких проблем и не сопровождается никакими переживаниями, что нередко оборачивается незаметным соскальзыванием в застой, консервацией духа и старческим упованием на прошлое. А той гармонии, в недрах которой зарождаются творческие идеи и обретаются новые силы, способствующие разворачиванию духа, созидательной деятельности и прорыву в будущее.

И хотя будущее человека в конечном счете всегда связано с его смертью, поскольку линия его жизни простирается от рождения к неминуемому уходу в небытие, тем не менее пока в творческом человеке наличествует жизнь, он стремится по-своему реализовать смысл своего существования. Профессор Лившиц принадлежал к числу тех немногих созидателей, чья жизнь при всех ее замысловатых перипетиях оставалась наполненной смыслом семейного и профессионального равновесия. Семья и работа не противостояли друг другу и не подменяли одна другую. Они были отмечены печатью творческого созидания. В процессе этого созидания обе сферы его жизнедеятельности не только не ущемлялись, а напротив, обогащались за счет обоюдного признания статуса самостоятельности, так или иначе связанного с домашним уютом, взаимопониманием, психической стабильностью, нравственной добропорядочностью. Будни профессора Лившица проходили своей чередой, когда профессиональная деятельность растворялась в лоне семейной жизни и супружеской гармонии, а взаимоотношения с женой, детьми и внуком плавно перетекали во взаимодействие с коллегами, пациентами, студентами и всеми теми, с кем ему приходилось общаться на своем жизненном пути.

Разумовский Вадим Сергеевич сидел на диване в гостиной у себя дома и смотрел по телевизору последние новости. Его внимание привлек репортаж об уникальной операции врачей по пересадке почки, позволившей сохранить жизнь маленькой девочки. Не успел он мысленно восхититься искусством спасших девочку врачей, как услышал недовольный голос жены:

– Ну сколько можно ждать тебя! – прокрипела она ворчливо, выходя из кухни в коридор. – Все остывает, и я не собираюсь разогревать ужин по сто раз. Тебе что, нужно особое приглашение? Так дворцовых у нас нет.

Не дожидаясь мужа, она вновь вернулась на кухню и демонстративно загремела тарелками. Неохотно встав с дивана, Разумовский неторопливо пошел на кухню и, ничего не говоря

жене, сел за стол. Она демонстративно громко хлопнула дверкой навесного шкафа и пробурчала:

– Вечно приходится тебя ждать. Не докричишься. Кстати, я уже не раз говорила тебе о том, что холодильник вот-вот выйдет из строя. Когда же наконец ты соизволишь купить новый? Или дожидаясь, что какой-то дядя преподнесет тебе новый холодильник на блюде с золотой каемкой? И как я с тобой живу! У других мужья как мужья. Их жены живут, как у бога за пазухой. Только одна я кручусь как белка в колесе. И за что мне такое наказание!

Жена Разумовского взяла с плиты сковородку и, соскребая с нее перемешанные с фаршем пригоревшие макароны, в сердцах так зло бросила их на тарелку мужа, что часть упала с тарелки на стол. Не возмущаясь ни тоном жены, ни тем, что произошло, Разумовский привычно подцепил вилкой упавшие на стол макароны и положил их себе на тарелку. Затем, не испытывая особого раздражения, он спокойно ответил ей:

– Ты же знаешь, что я по горло занят. Давай сделаем так. Через два дня у меня будет необходимая сумма. Ты сама походи по магазинам, выбери холодильник, который тебе понравится. И пусть сын как мужчина поможет тебе.

– От него, как и от тебя, не дождешься помощи. Вот где он шляется сейчас? А тебе хоть бы хны. Отец называется. Да от вас обоих как от козла молока!

Разумовский ничего не ответил жене, допил чай, вернулся в гостиную и лишь с грустью подумал: «Как все надоело! Одно и то же каждый день. Ну да ладно. Не впервой. Главное – сохранять спокойствие».

Приближаясь к 60-летнему возрасту, Разумовский не отличался жизнерадостностью и сердечностью. Его лицо, прорезанное ранними морщинами, редко светилось радостью. Чаще всего на нем отражалась вселенская скорбь, вызывавшая у окружающих его людей, особенно при первом знакомстве с ним, двойственные чувства. С одной стороны, при виде его мрачного и отрешенного от мира лица возникало желание выразить Разумовскому сочувствие и каким-то образом поддержать его. С другой стороны, та холодность, которой веяло от всей его фигуры, неопределенного цвета глаза и рассудочная сдержанность в его манерах и речи невольно удерживали многих людей от проявления сочувствия. Впрочем, Разумовский не нуждался ни в каком сочувствии ни от близких ему людей, включая собственную жену и взрослого сына, ни тем более от первых встречных, вовсе не знавших его, но полагающих, что такое лицо может быть только у человека, на долю которого выпало немало страданий. Казалось бы, отражающаяся на его лице мировая скорбь должна служить препятствием на пути привлечения в терапию пациентов. Кому захочется идти в анализ к человеку, который, судя по внешнему виду, напрочь лишен не только оптимизма, но даже элементарного обаяния, столь необходимого для терапевтической деятельности? Кого может привлечь мрачная фигура психоаналитика, который, надо полагать, не сумел решить свои собственные проблемы, коль скоро на его лице нет даже проблеска жизнерадостности?

Однако, как это может быть и ни парадоксально на первый взгляд, Разумовский не испытывал затруднений с нахождением пациентов. Впрочем, он их и не искал в отличие от тех, кто, называя себя психоаналитиками, давал объявления в различные печатные издания или размещал соответствующую информацию в Интернете. Среди психоаналитиков Разумовский слыл достаточно квалифицированным, серьезным специалистом, достигшим успехов особенно при работе с депрессивными и склонными к суициду пациентами. «Сарафанное радио» способствовало обращению к нему тех нуждающихся в психологической помощи взрослых и молодых людей, у кого не сложилась личная жизнь и кто находился подчас на грани между жизнью и смертью.

В молодые годы он был живым, смелым и компанейским юношей. Однако к моменту завершения учебы в школе он пережил своего рода шок, который предопределил его последующую жизнь. Одна из девушек, с которыми он учился в 11 классе, неожиданно покончила

жизнь самоубийством. Никто не знал толком истинную причину ее ухода из жизни. Одни говорили, что девушка покончила с собой из-за неразделенной любви. Другие полагали, что это было связано с раздорами в семье и разводом родителей. Третьи соотносили ее поступок с наркотиками, к которым якобы пристрастилась девушка.

Разумовский не был влюблен в свою одноклассницу, хотя наряду с чисто дружескими чувствами испытывал легкое сексуальное возбуждение, когда во время различных школьных мероприятий им приходилось касаться друг друга. Однако известие о самоубийстве этой девушки настолько потрясло его, что он фактически замкнулся в себе. Он никак не мог понять, почему и зачем достаточно симпатичная, полная задора, всегда веселая и неунывающая молодая девушка неожиданно для всех, во всяком случае, как для него самого, так и для других одноклассников, добровольно рассталась со своей жизнью.

Как это произошло? Что толкает человека к самоубийству? Где та последняя капля, которая переполняет чашу жизнестойкости молодого организма? Почему никто не знал истинного состояния девушки, не пришел ей на помощь, не предотвратил беду? 17-летний юноша не находил ответов на эти вопросы. Но, судя по всему, самоубийство одноклассницы, неспособность понять причины содеянного ею и желание разобраться в случившемся подвели его к определенному решению. До этого трагического случая он никак не мог сделать окончательный выбор, в какой институт ему поступать после завершения учебы в школе. Переживая смерть одноклассницы, он решил, что должен стать врачом.

Разумовский поступил в медицинский институт. Не блестяще, но с вполне достойными оценками окончил его. Приобретя специальность врача-психиатра, несколько лет отработал в психиатрической клинике, где имел дело не только с пациентами, страдающими наследственным шизофреническим заболеванием, но и с теми, чье неуравновешенное психическое состояние приводило их к различным суицидальным попыткам. Стремясь найти исчерпывающие объяснения природы суицида и выявить подлинные причины его, Разумовский обратился к психоаналитическим идеям. Получил психоаналитическое образование и, став сертифицированным психоаналитиком, наряду с работой в психиатрической больнице занялся частной практикой.

Однажды, на начальной стадии своей терапевтической деятельности ему пришлось иметь дело с тридцатипятилетней женщиной, симптомы заболевания которой явно свидетельствовали об истерии. Уже на первых встречах она стала прибегать к своеобразному шантажу, первоначально проявляющемуся в потоках слез и рыданий, возникающих буквально за несколько минут до завершения сессий. Когда удалось преодолеть эту начальную стадию и пунктуально соблюдать принятый режим сеансов, ограничивающихся пятьюдесятью минутами, вопреки настойчивым попыткам пациентки продлить время совместной работы, возникла типичная проблема переноса.

В короткое время этот перенос приобрел такую эротическую окраску, что пациентка призналась аналитику в своей любви к нему. Вскоре она стала не только намекать на желательность интимных отношений, но и откровенно требовать от аналитика вступления с ней в сексуальную связь. Разумовский строго придерживался принципа абстиненции, состоящего в том, что аналитик ни в коем случае не должен удовлетворять желания пациента, тем более сексуального характера. Но его попытки, связанные с проработкой феномена переноса и соответствующими разъяснениями пациентке того, что с ней происходит, оказались безрезультатными. Более того, он не сумел изменить аналитическую ситуацию таким образом, чтобы эротический перенос пациентки стал действенным фактором терапевтического успеха.

Разумовский знал историю того случая, когда в начале XX века Зигмунд Фрейд потерпел поражение при работе с молодой пациенткой, которая на волне зарождающегося переноса к психоаналитику ушла от него. Основатель психоанализа не сумел вовремя проработать этот перенос, в результате чего осуществляемое на протяжении чуть меньше трех месяцев лечение

девушки оказалось прерванным по ее собственной инициативе. Описанный Фрейдом в 1905 году анализ Доры вошел в анналы истории психоанализа как один из классических случаев, наглядно демонстрирующих специфику психоаналитической терапии и те трудности, которые могут возникать на тернистом пути любого начинающего психоаналитика.

У пациентки Разумовского эротический перенос развивался столь стремительно, что к концу первого месяца их совместной работы девушка буквально обрушила на него всю свою истерически окрашенную страсть. И когда в своей интерпретационной деятельности он пытался уклониться от прямых проявлений сексуальной активности пациентки, она пригрозила ему тем, что в том случае, если он не ответит на ее любовь, ей ничего не останется, как покончить жизнь самоубийством.

И пациентка действительно предприняла попытку суицида. Находясь у себя дома, она попыталась перерезать вены на одной руке. Но это было сделано так неумело или, напротив, так искусно, что приехавшие по вызову ее матери сотрудники скорой помощи без особого труда спасли девушку.

Как позднее узнал Разумовский, порезы на руке его пациентки были не столь глубокими, чтобы привести к немедленной смерти. Фактически своей неудавшейся попыткой суицида тридцатипятилетняя женщина шантажировала аналитика, как это она делала в начале терапии, когда прибегала к слезам и рыданиям в конце сессий. Разумовский понимал суть происходящего. Однако попытка суицида его пациентки оказала на него не менее шокирующее воздействие, чем самоубийство одноклассницы несколько лет тому назад.

В медицине известны случаи, когда первая операция начинающего свою карьеру хирурга заканчивалась летальным исходом для пациента, а сам врач больше никогда не брался за скальпель. Попытка суицида пациентки Разумовского не выбила его из профессиональной колеи. Он не покинул стезю психоанализа. Напротив, тяжело пережив случившееся, он стал уделять все больше внимания изучению природы суицида. Направил все свои усилия не только на изучение этого феномена, но и на поиск более эффективных техник лечения людей, страдающих психическими расстройствами.

Вместе с тем данный случай не прошел для него бесследно. Он сказался на его внешнем облике и манере поведения, когда угрюмость, замкнутость и ярко выраженная отрешенность от каких-либо проявлений беззаботности и веселья стали не просто маской на его лице, а своеобразным проявлением жизни. До этого случая Разумовский не был женат. Однако спустя три месяца он неожиданно для своих коллег женился на женщине, которая, будучи по-своему симпатичной, привлекала к себе внимание тех, кто с ней знакомился, каким-то загадочно-лихорадочным блеском глаз.

Никто из его коллег не имел ни малейшего представления о том, что Разумовский женился на своей бывшей пациентке. Его женой стала именно та молодая женщина, которая предприняла неудачную попытку суицида и анализ которой был прекращен в связи с изменившимися обстоятельствами. Разумовский никому ничего не рассказывал ни о своей жене, ни об испытываемых чувствах к ней. Впрочем, он и сам не мог объяснить себе, почему он женился на своей пациентке и что их связывает между собой.

Лежало ли в основе его брака бессознательное чувство вины или сознание ответственности за неудачный анализ тридцатипятилетней женщины? Являлась ли для него женитьба своеобразной страховкой от возможных в будущем сексуальных притязаний со стороны пациенток, претендующих на руку и сердце холостого врача, или она служила бессознательной защитой от его собственных чувственных порывов, связанных с контрпереносом и искушением нарушить принцип абстиненции?

Разумовский не пытался ответить на подобные вопросы. Да он и не ставил их перед собой. Внезапно приняв решение жениться на своей бывшей пациентке, он реализовал его и никогда не возвращался к осмыслению того, зачем, почему и для чего он это сделал. Приняв

семейную жизнь как нечто неизбежное, Разумовский в меру своих сил и возможностей выполнял обязанности мужа, включая супружеский долг. Однако всю свою нерастрченную энергию он отдавал своей профессиональной деятельности, со временем преуспев в терапевтической практике.

Через полтора года у него родился сын, не вызвавший, впрочем, особой радости у Разумовского. Поскольку его жена стала посвящать все свое время сыну, а материнская любовь способствовала устранению ряда невротических симптомов, он с чувством выполненного долга с головой ушел в работу. Сексуализация материнства и десексуализация его жены как женщины, ранее так пылко выражавшей свою страсть по отношению к мужу, но охладевшей после рождения ребенка, была только на руку Разумовскому. Он рано уходил на работу и поздно возвращался домой, что не вызывало каких-либо серьезных возражений у жены, тем более что почти все заработанные деньги он отдавал ей.

Его жена полностью посвятила себя воспитанию сына. Разумовский ни во что не вмешивался. Он был даже рад, что ему не приходится возиться с ребенком и жена не заставляет его это делать. Другое дело, что не до конца излеченная истеричная жена своей сексуализацией материнства способствовала такому развитию их ребенка, которое обернулось превращением его в маменькиного сынка, потребительски относящегося к своим родителям, не желающего ничего делать и добиваться чего-либо своим трудом.

Прошли годы. Разумовский давно махнул рукой на своего непутевого отпрыска, ставшего под влиянием слепой материнской любви лоботрясом и тунеядцем. Он не испытывал никаких чувств и по отношению к жене. Ее раздражительный тон совсем не задевал его. Не вступая ни в какие пререкания и споры с женой и сыном, он старался как можно меньше общаться с ними, предпочитая одиночество и погружение в свои мысли, связанные с профессиональной деятельностью. Давно появившаяся на его лице отрешенность от мирской суеты давала знать о себе не только на работе, но и в семье. Лишь с годами углубляющиеся морщины и никому не ведомая грусть делали его лицо непроницаемым, а чуть сгорбленную фигуру – олицетворением безучастности ко всему происходящему вокруг него.

Однако отражаемая на лице и во всей фигуре Разумовского безучастность была обманчивой. В кругу немногочисленных друзей, главным образом его коллег Вайсмана и Киреева, он по-своему раскрывался, «оттаивал» и не выглядел столь угрюмым, как это было обычно в окружении других людей. В отличие от психиатрической больницы, частная практика доставляла ему удовольствие, поскольку Разумовский мог не только соприкасаться с тайнами души своих пациентов, но и в ряде случаев оказывать им необходимую помощь, избавлять их от причиняющих боль страданий. Глубоко в себе он переживал за них и даже отчасти проживал их жизнь. Однако беспристрастное выражение его лица ничем не выдавало внутреннего чувства сострадания, сопричастности с несчастными судьбами пациентов и несомненной заинтересованности Разумовского в благоприятном исходе лечения. Расслабление мышц его лица, на котором проступали признаки благожелательности, происходило лишь тогда, когда он тихо сидел в своем кресле, расположенном вне поля зрения лежащего на кушетке пациента, и внимательно слушал исповедальное говорение последнего, придерживающегося метода свободных ассоциаций. Но как раз этого-то и не мог видеть пациент, привыкший к тому, что каждую сессию его встречает довольно строгий аналитик, не позволяющий себе ничего лишнего, тем более какой-либо фамильярности.

Словом, будни Разумовского были всецело заполнены профессиональной деятельностью в психиатрической больнице, в которой в последние годы он работал на полставки, и частной практикой, являющейся для него не только источником доходов, но и необходимой для его жизни отдушиной, составляющей главный смысл его существования. Что касается семьи, его жены и уже взрослого сына, то они меньше всего интересовали Разумовского, хотя по привычке он старался поддерживать видимость более или менее нормальных отношений. Профессио-

нальная деятельность настолько поглощала его, что в конечном счете семейная жизнь воспринималась им как некий придаток к тому главному, чему он целиком и полностью посвящал себя. В этом смысле семейная жизнь не тяготила его, и он не помышлял о каких-либо возможных переменах.

Аркадий Григорьевич Вайсман был полной противоположностью Разумовскому. В отличие от последнего, ходившего с небрежно распущенными волосами, он сверкал лысиной, хотя был на пять лет моложе его. Но главное, в противоположность сумрачному и угрюмому Разумовскому Вайсман обладал завидной жизнерадостностью и хорошим расположением духа. Доброжелательная улыбка не сходила с его лица, а ироническая манера говорения выдавала в нем уроженца Одессы. При виде этого источавшего оптимизм мужчины невозможно было не поддаться обаянию его добродушного лица и располагающих к себе несколько театральных жестов, типичных для его повседневного поведения.

Вот и сейчас, находясь дома и сидя в своем кабинете, Вайсман блаженно улыбался, вспоминая те восхитительные мгновения, которые он испытал со своей любовницей несколько часов тому назад. Заглянувшая к нему жена, ни о чем не догадывающаяся и растаявшая от вида умиротворенного мужа, нежно спросила:

– Что приготовить на ужин, дорогой?

Вайсман с той же блаженной улыбкой привлек к себе жену, поцеловал в щечку и проворковал:

– Дорогая, может быть, сегодня обойдемся легким ужином?

Он не хотел есть, поскольку перед приходом домой побывал со своей любовницей в ресторане, но, чтобы не расстраивать жену, готов был доставить ей удовольствие от совместной вечерней трапезы.

– Легким ужином? – недоуменно переспросила супруга Вайсмана. – Неужели, дорогой, ты садишься на диету? Или, быть может, ты уже где-нибудь перекусил?

– Кстати, о диете. Старик и старуха находятся в раю. Сидят, блаженно улыбаются, наслаждаются покоем. Солнышко светит. Птички поют. Красота. И вдруг старик размахивается и отвечает старухе подзатыльник. «Ты чего? – недоуменно спрашивает она старика. – Совсем сдурел, старый пень!». «Эх! – горестно отвечает он. – Если бы не твоя дурацкая диета, мы давно были бы в раю».

Вайсман рассмеялся, а его жена, даже не улыбнувшись, недовольно заметила:

– Вечно ты со своими шутками да анекдотами. Я серьезно спрашиваю. Ты что, действительно где-то перекусил?

– О, дорогая, ты, как всегда, прозорлива! – неторопливо ответил Вайсман, все еще сияя от рассказанного анекдота. Мне тут пришлось встретиться с одним коллегой. Чисто деловая встреча.

– Я его знаю?

– Не думаю, – поспешно ответил Вайсман. – Он из другого города и здесь проездом.

– Так надо было пригласить его к нам.

– Мне не хотелось тебя беспокоить, дорогая.

– Какое беспокойство! Ты же знаешь, что я всегда рада гостям.

Вайсман еще раз привлек к себе жену, обнял и, чтобы отвести от себя любые подозрения, громко рассмеялся.

– Ты чего? – недоуменно спросила она.

– Да вот вспомнил анекдот, который рассказал коллега. Представь себе такую картину. Автобус. Сидящая девушка нежно гладит котика, находящего у нее на коленях. Рядом сидит молодой человек, который видит, как этот котик млеет от удовольствия. «Как бы я хотел быть этим котиком!» – мечтательно говорит молодой человек, обращаясь к девушке. «Это вряд

ли», – отвечает она. «Почему?» – недоуменно спрашивает молодой человек. «Потому, – отвечает девушка, – что я везу котика к ветеринару кастрировать».

Вайсман снова загоготал, а его жена улыбнулась, но, напустив на себя целомудренный вид, лишь заметила:

– Ну и шуточки у тебя, дорогой. Нет чтобы рассказать что-нибудь приличное.

– Так я здесь ни при чем. Это у моего коллеги такие анекдоты.

Довольный собой, Вайсман игриво шлепнул свою жену по попе, а она, заискрившись от удовольствия, погрозила ему пальцем и, вихляя бедрами, неспешной походкой направилась на кухню, готовить легкий ужин.

Вайсман был любителем и умелым рассказчиком анекдотов. Находящиеся с ним в компании мужчины получали удовольствие от искрометных шуток и многочисленных анекдотов, которые к подходящему случаю или вне такового срывались с его уст.

Рассказываемые им анекдоты не всегда имели явный или скрытый сексуальный подтекст, который вызывает, как правило, соответствующую реакцию у окружающих людей. В среде врачей он прибегал и к анекдотам, оттеняющим негативные стороны профессии медиков.

В частности, неоднократно можно было услышать от него такие короткие анекдоты:

«Несмотря на все старания врачей больной остался жив».

Или:

«В скорой помощи везут находящегося в коме мужчину. Неожиданно он пришел в себя и спрашивает сидящего рядом врача:

– Куда вы меня везете?

– В морг, – не моргнув глазом отвечает врач.

– Но я же еще жив, – возражает лежащий мужчина.

– Но мы еще и не довели вас, – спокойно замечает врач».

Ласково-обворожительное обхождение Вайсмана со слабым полом, сопровождаемое постоянными комплиментами в адрес женщин, выдавало в нем истинного Дон Жуана, готового в любую минуту последовать за очередной юбкой, особенно если из-под нее выглядывают очаровательные ножки, прельщающие взор мужчины своей неотразимой грацией и изяществом. А если уж эти ножки, что называется, от ушей, то Вайсман готов пойти за ними куда угодно.

Неистошимый на выдумки и различного рода празднества, он был душой психоналитического общества, члены которого ценили его не столько за ум и профессионализм, сколько за легкость и необременительность общения с ним, бесконфликтность и толерантность.

Некоторые сравнивали Вайсмана с венгерским психоналитиком начала XX столетия Шандором Ференци. Такого же невысокого роста, располагающий к себе балагур, любитель женского пола, Вайсман действительно походил на Ференци. Правда, последний отличался тонким искусством владения техникой психоанализа и привнесением в него новых для того времени идей, тогда как первый блистал остроумием, но вряд ли его можно было причислить к числу тех, кто способствовал развитию теории и практики психоанализа.

Тем не менее Вайсман был сравнительно неплохим специалистом, в ряде случаев действительно оказывающим посильную помощь отдельным пациентам. Его профессиональная деятельность не отличалась ни творческим подходом, ни оригинальностью, ни нравственным совершенством. Но он был своего рода источником жизнерадостности и оптимизма, так необходимых для выздоровления людей, убежавших от скверны бытия в болезнь.

Его жизненный путь был довольно легким.

Воспитание в интеллигентной семье, детский сад, школа, институт, работа в одном из психологических центров, получение психоналитического образования, частная практика в качестве психоналитика – вот тот плавно движущийся вверх лифт, который обеспечил Вайсману карьерный рост. Тот карьерный рост, которого он достиг к своему 50-летию и который

обеспечивал ему вполне приемлемый материальный достаток, необходимый для содержания не только семьи, но и любовницы.

Семейная жизнь Вайсмана складывалась не менее удачно, чем его профессиональная карьера. Обаятельный и легкий в общении, он не испытывал трудностей с женским полом. Доступные одноклассницы, обворожительные студентки, очаровательные зрелые женщины постоянно окружали его. Посвятив в таинства сексуального рая, они манили его своими прелестями, не раз посягая на его холостяцкую жизнь. Но он не спешил с женитьбой и, пользуясь расположением женщин, отрывался, как сам говорил в студенческие годы, на полную катушку и от души.

Вайсман женился в тридцатилетнем возрасте, когда на его пути искусителя женских сердец встретилась целомудренная, но перезревшая девица, которой к тому времени исполнилось 29 лет. Она не была красавицей, от которой мужчины сходят с ума. Напротив, не будучи дурнушкой, она в то же время не являлась достаточно сексапильной, чтобы привлечь внимание Вайсмана. Однако ее родители были влиятельными и обеспеченными людьми, что побудило Вайсмана к ухаживанию за их дочерью, которая не устояла перед его обаянием. Именно с ним она потеряла свою девственность, а ее родители сделали все для того, чтобы он стал законным мужем их дочери.

Приданым оказалась роскошная трехкомнатная квартира, обеспечившая новоиспеченному мужу статус везунчика в глазах таких же, как он, молодых людей, беззаботно шагающих по жизни и рассчитывающих на удачный брак. Так состоялась женитьба Вайсмана, на которую он пошел не по любви, но и без какого-либо принуждения со стороны его будущей жены или ее родителей, полагавших, что этот молодой, обаятельный мужчина действительно любит их дочь и несомненно сделает ее счастливой.

Вайсман знал, что жена обожает его, и подыгрывал ей, прикидываясь ласковым и верным супругом. Искушенный в любви, он пытался научить ее пользоваться своим телом и доставлять удовольствие мужу. Но она оказалась не только стеснительной, но и плохо обучаемой, что какое-то время даже забавляло Вайсмана. Однако вскоре он прекратил свои попытки пробуждения у жены чувственности, довольствовался тем малым, что она позволяла себе, и не требовал от нее чего-то большего.

Жена оказалась прекрасной хозяйкой. В доме был уют и достаток, что вполне устраивало Вайсмана, который за пределами их семейного очага всегда находил компенсацию недостающих ему сексуальных страстей. Рождение ребенка ничего не изменило в их семье. Жена по-прежнему боготворила своего неизменно веселого, остроумного мужа, а он дарил ей цветы, осыпал комплиментами, делал различные подарки, чему она была бесконечно рада.

Долгое время его жена не подозревала о том, что у верного и благородного, как ей казалось, супруга имеются на стороне другие женщины. Ей и в голову не могло прийти, что он одаривает подарками не только ее, но и своих многочисленных любовниц, причем делает им более дорогие, чем ей, подарки.

Вайсман так искусно скрывал свои любовные похождения, что его благоверная узнала о них лишь к своему сорокапятилетию. Точнее, она случайно обнаружила, что ее муж встречается с молоденькой девушкой, годившейся ему в дочери. Супруга закатила ему скандал. Однако он уверял, что между ним и молодой девушкой нет никакой интимной связи. Отношения между ними чисто дружеские. Он просто помогает бедной девушке поступить в институт.

Впоследствии жена Вайсмана обнаружила, что ее муж – типичный ходок по женщинам, как молодым, так и зрелым, как одиноким, так и замужним. Ее переживания по этому поводу были столь сильными, что поначалу она хотела развестись с ним. Однако он уверял жену в том, что любит только ее одну и никогда не оставит свою семью. В конечном счете его неизменно обходительное поведение с ней, сопровождаемое многочисленными подарками и ласками, сделали свое дело. Несчастливая женщина примирилась с существующим положением вещей.

Страдая в глубине души, жена Вайсмана компенсировала неверность мужа кулинарными изысками, усиленной заботой о нем, содержанием дома в идеальной чистоте. В свою очередь, ее муж не помышлял о том, чтобы бросить семью и уйти к другой женщине. И если ее не вполне устраивала подобная ситуация, в результате чего у нее участились головные боли, то ее муж был, как всегда, жизнерадостным и успевающим сочетать свои любовные похождения с благоустроенной семейной жизнью и профессиональной деятельностью.

Для Вайсмана подобное сочетание было чем-то само собой разумеющимся. Он не отличался фанатизмом в работе, хотя и добросовестно выполнял все свои служебные и терапевтические обязанности. Причем их выполнение не мешало ни случайным любовным встречам, ни поддержанию продолжительных романов с молодыми девушками, ни повседневному общению с женой. Он жил в свое удовольствие и легко разрешал те немногочисленные любовные конфликты, которые подчас возникали в результате его неистощимой тяги к прекрасному полу. Ему без особых усилий удавалось не только сохранить семью, но и обходить острые углы, когда какая-нибудь из его очередных любовниц начинала претендовать на него как потенциального спутника жизни.

Его искусство обольщения и устранения зарождающегося в отношениях с женщинами напряжения достигло такого совершенства, что он всегда не только выходил сухим из воды, но и не вызывал у своих бывших любовниц желания мстить ему или делать его жизнь несносной.

Любовные похождения, семейная жизнь и профессиональная деятельность Вайсмана проходили параллельно друг другу. Для него самого по силе и значимости они располагались именно в такой последовательности. Однако в глазах других людей, особенно обращавшихся к нему за помощью пациентов, он был, прежде всего, располагающим к себе психоаналитиком и обаятельным человеком, которому можно доверить любые, даже самые сокровенные тайны.

К иному типу людей относился Киреев Валерий Юрьевич. Он был на четыре года моложе Вайсмана, вел холостяцкий образ жизни, не стремился к заведению любовных интрижек, предпочитая им одиночество, скрашиваемое философскими рассуждениями о смысле жизни. В отличие от Вайсмана высокий и худощавый Киреев не отличался обаянием, красноречием, жизнерадостностью. Но он был по-своему остроумным, вызывал интерес к себе и привлекал внимание людей своей прямоотой, принципиальностью и нестандартным мышлением. Правда, его остроумие чаще всего сопровождалось ироничностью и язвительностью, прямоота и принципиальность – ершистостью и бескомпромиссностью, а нестандартное мышление – не всегда понятными для простого смертного усложненными конструкциями, что отталкивало от него часть людей, предпочитавших не иметь с ним каких-либо дружеских отношений.

В этом смысле он заметно отличался от Вайсмана, умевшего расположить к себе любого человека, который встречался на его жизненном пути. Как ни странно, эти, казалось бы, антиподы дружили между собой, что объяснялось, скорее всего, умением Вайсмана не только приспособливаться к любым жизненным ситуациям, но и добродушно, а порой и снисходительно относиться к любым колкостям и непредсказуемым реакциям, которых в любую минуту можно было ожидать от ершистого Киреева.

После рождественской встречи в гостеприимном доме Вайсмана Киреев пару дней расслаблялся. Закупив несколько бутылок пива, он беззаботно валялся на продавленном диване, прямо из горлышка утолял жажду и размышлял о смысле жизни.

Из беззаботного состояния его вывел телефонный звонок. Не испытывая в то время никакой потребности в общении с кем-либо, кроме своего второго Я, которое нет-нет да прорывалось в его замутненное сознание и задавало какие-то дурацкие вопросы, Киреев не откликнулся на звонок. Но нарастающий звук мобильного начал раздражать, и он попытался отыскать его под грудой книг, помятых брюк и свитера, в беспорядке лежащих на полу. Наконец-то найдя мобильник, Киреев поднес его к уху и глухо произнес:

– Слушаю.

– Господин Киреев? – спросил чей-то незнакомый и, судя по незначительной хрипote, прокуранный женский голос.

– Да, – коротко ответил он.

– Несколько дней тому назад мы послали вам по электронной почте отредактированный материал, который необходимо срочно посмотреть и завизировать. Но мы не получили ответа, а время поджимает.

– Извините, – перебил Киреев, – но, к сожалению, в силу ряда обстоятельств я не имел возможности воспользоваться Интернетом и заглянуть на почту. Сейчас непременно это сделаю и посмотрю присланный вами материал.

– Хорошо, – все с той же бесстрастной интонацией проскрипел тот же голос. – Только не задерживайте материал, поскольку мы в цейтноте. В противном случае его публикация будет отложена на несколько месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.